

ОБРАЗОВАНИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 316.4

DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58

«МЯГКАЯ СИЛА» ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР МИРОВОГО ЛИДЕРСТВА

Н. Л. Антонова¹, А. Д. Сущенко²

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: ¹n-tata@mail.ru, ²a.d.sushchenko@urfu.ru

Н. Г. Попова

Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

E-mail: ngpopova@list.ru

Аннотация. Введение. К главным задачам внешней политики любого государства относится распространение своего влияния на международной арене. Одним из наиболее эффективных инструментов решения этой задачи в эру информации и знаний является «мягкая сила» образования, посредством которого те или иные страны транслируют на зарубежные территории и регионы свои достижения в области культуры, науки, технологий, а также идеалы, ценности и нормы определенного общественного устройства. Сегодня университеты стремятся занять и укрепить свои позиции в мировых рейтинговых системах, демонстрирующих статус и репутацию вузов на глобальном рынке образовательных услуг. Данное ранжирование служит ориентиром для будущих студентов и их родителей при выборе места получения престижного образования и при формировании индивидуальных траекторий профессионального обучения.

Цель представленного в статье исследования – анализ «мягкой силы» высшего образования как механизма достижения и воспроизводства лидерского положения государства в современном международном пространстве, а также определение ключевых условий и преград включения вузов в мировые рейтинги ведущих университетов.

Методология и методы. Методологическую базу изыскания составили концепция «мягкой силы» и теория интернационализации высшей школы.

В традиции качественных методов социологии были проведены экспертные полуструктурированные интервью с представителями Уральского федерального университета (УрФУ), занимающимися продвижением вуза на глобальном образовательном уровне. Выбор учреждения обусловлен тем, что на его площадке с 2017 г. функционирует сетевой университет для академического сотрудничества стран БРИКС (BRICS). Материалы интервью были дополнены статистикой Всемирного банка (The World Bank) о расходах членов указанного неформального межгосударственного объединения на образование, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в период с 1999 по 2015 г. (% от ВВП – of GDP), а также данными рейтинга QS World University Rankings – 2019 для анализа репутации вузов стран БРИКС.

Результаты и научная новизна. Кейс УрФУ позволил рассмотреть практики привлечения иностранных студентов, характерные для зон БРИКС. Показаны особенности деятельности университета, направленной на обеспечение и упрочение своей международной конкурентоспособности. Описана специфика контингента студентов из КНР, обучающихся в вузе. Установлено, что роль рейтинговых систем (как институциональных, так и отраслевых) при избрании абитуриентами университета возрастает. Помимо этого факторами предпочтения УрФУ иностранцами, в частности китайскими гражданами, выступают сравнительно невысокая стоимость обучения, его качество, а также сформированные этнические социальные сети. Студенты планируют в будущем возвращение на родину, где приобретенные знания, навыки и опыт дадут им возможность построить успешную карьеру. Полученные аналитические данные свидетельствуют о действенной роли «мягкой силы» образования, но подчеркивается, что этот инструмент работает только в долгосрочной перспективе. Сделан ряд выводов о барьерах, возникающих перед российскими университетами на пути к признанию их в качестве мировых флагманов высшего профессионального образования. Можно добиться быстрых побед и войти в Топ 500 лучших вузов мира, однако удержаться в престижном списке вряд ли удастся, если в течение нескольких лет будет отсутствовать перманентный рост показателей, имитировать которые не получится. Университет мирового класса должен притягивать одаренную молодежь, квалифицированных преподавателей и научных сотрудников. Снижение концентрации талантов и исследовательских результатов ведет к утрате образовательной организацией геополитической миссии. Прорывному и устойчивому повышению репутации вузов может препятствовать и их недостаточное финансирование.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть полезны менеджерам высшей школы, разработчикам стратегий позиционирования и прогнозов развития учебных заведений, специалистам, занятым вопросами образовательной политики, распределения государственных инвестиций, а также проблемами международного взаимодействия и конкуренции госу-

дарств в целях реализации национальных интересов и поддержки благополучного состояния экономики страны в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: высшее образование, «мягкая сила» образования, университеты, мировое лидерство, иностранные студенты.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00236). Авторы благодарят анонимных рецензентов статьи, замечания которых позволили значительно улучшить ее качество.

Для цитирования: Антонова Н. Л., Сущенко А. Д., Попова Н. Г. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 1. С. 31–58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58

SOFT POWER OF HIGHER EDUCATION AS A GLOBAL LEADERSHIP FACTOR

N. L. Antonova¹, A. D. Sushchenko²

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: ¹n-tata@mail.ru, ²a.d.sushchenko@urfu.ru*

N. G. Popova

*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: ngpopova@list.ru*

Abstract. *Introduction.* The main objectives of foreign policy of any state include the extension of its influence in the international arena. In the era of information and knowledge, one of the most effective tools for this task is soft power of education. In this respect, education is seen as a promising soft power instrument, which long-term character allows a country to promote not only its cultural, scientific and technological achievements, but also its cultural values and norms of social organisation. Today, universities are also seeking to strengthen their positions in global education rankings, which are used to define the status and reputation of a particular university in the global market of educational services. This ranking serves as a guide for future students and their parents, when choosing a prestigious education location and when developing individual career paths.

The *aims* of the present research are the following: to analyse soft power of higher education as a soft power mechanism, which allows a country to achieve and maintain leadership positions in the international arena; to specify condi-

ons, factors and barriers that determine the position of universities in global ranking systems.

Methodology and research methods. The methodological framework is based on the concept of soft power and the theory of internationalisation of higher education. The empirical study was conducted following the tradition of qualitative sociological research. In 2018, a series of semi-structured interviews was conducted among Ural Federal University employees, whose responsibilities were related to the promotion of the university on the global educational market. The Ural Federal University (UrFU) can be considered representative in terms of practices aimed at attracting foreign students to the BRICS countries. In addition, UrFU is a place where the concept of a network BRICS University was realised in 2017. A total of 5 expert interviews were conducted. The collected data were analysed in the context of the World Bank statistics on the money spent by the BRICS countries on education and R&D during the 1999–2015 period (% of GDP), as well as the data provided by the QS World University Rankings – 2019 to analyse the reputation of BRICS universities.

Results and scientific novelty. The case study of Ural Federal University allowed the authors to consider the specific practices of BRICS zones for attracting foreign students. The authors analysed the specifics of actions taken by a university to promote its international leadership positions in the international space on the example of students from China. It is shown that the role of global ranking systems (institutional and faculty) in the choice of a university is steadily growing. At the same time, factors determining the attractiveness of the Ural Federal University for foreign students, in particular for Chinese students, include a reasonable level of tuition, the quality of the education and the formed ethnic social networks. For them, the Russian education is expected to be a factor in achieving a higher social status in their home countries. This demonstrates the effective role of education as a soft power instrument, although in the long-term perspective. The authors identified a number of findings concerning the barriers faced by Russian universities on the way to recognising them as global actors of higher vocational education. It is possible to enter the Top 500 best world universities; however, the task of maintaining the achieved position in global rankings is more complicated and cannot be completed without a steady increase in the performance over several years. A world-class university should attract gifted youth, qualified teachers and researchers. The reduction in the number of talented people and research results leads to the loss of geopolitical mission by the educational organisation. Inadequate funding may prevent universities from breakthrough and sustainable improvement of their reputation.

Practical significance. The research findings might be useful for managers of higher education and for strategists involved in positioning and making forecasts

of educational institutions development. Also, the present findings can be applied by specialists engaged in the issues of educational policy, distribution of public investments, as well as the issues of international interaction and competition between states in order to realise national interests and support national economy in the country in the long term.

Keywords: higher education, soft power of education, universities, world leadership, foreign students.

Acknowledgements. This research was supported by a Russian Science Foundation grant (№ 18-18-00236). The authors express their sincere gratitude to anonymous reviewers, whose valuable comments allowed them to significantly improve the quality of the present manuscript.

For citation: Antonova N. L., Sushchenko A. D., Popova N. G. Soft power of higher education as a global leadership factor. *The Education and Science Journal*. 2020; 1 (22): 31–58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58

Введение

В современном мире статус и положение государства определяются не только и не столько его возможностями жесткого воздействия на международные процессы, сколько использованием потенциала мягкой силы. «Мягкая сила» – это способность страны привлекать других игроков на международной арене на свою сторону, добиваясь поддержки национальной повестки путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов [1, р. 33–72]. Такой подход к развитию территории нацелен на ее позиционирование через экспорт образовательных услуг, распространение национальных ценностей и культурных норм.

Лидирующие позиции на мировой сцене занимают государства, которые способны оказывать направленное воздействие на своих соседей и конкурентов, что влечет обострение борьбы за лидерство в формировании и демонстрации ценностного порядка и поведенческих практик граждан.

Важное значение в расширении взаимодействия между странами, например внутри группы быстроразвивающихся стран – участниц БРИКС, приобретает интегрирование национальных систем образования в глобальное образовательное пространство. Высокие позиции на международном рынке образовательных услуг являются сегодня, пожалуй, главным конкурентным преимуществом – они позволяют привлекать иностранных студентов, которые становятся инструментом продвижения цен-

ностных и нормативных институций того или иного государства в мировое сообщество.

Традиционно в последние два десятилетия при анализе привлекательности университетов для потенциальных абитуриентов рассматривают прежде всего репутацию образовательной организации и ее позиции в международных рейтингах как показатель образовательных и научных достижений и востребованности выпускников. Помимо этого необходимо учитывать простые, но важные количественные параметры:

- расходы страны на образование и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и их распределение между отдельными университетами. Например, значительная доля финансирования в российских вузах идет на поддержку инициатив, обеспечивающих превосходство национальной образовательной системы на международной арене образовательных услуг (*Excellence Initiative*);

- количество студентов, обучающихся в стране (свидетельство привлекательности территории и наличия ресурсов и возможностей для успешного развития профессиональных траекторий и социальной жизни).

В статье представлены результаты исследования, позволяющего дополнить спектр факторов, способствующих признанию вузов в мировом сообществе, а также ограничений и рисков, связанных в том числе с проблемами недофинансирования на уровне национальных экономик, с которыми сталкиваются даже ведущие университеты.

Обзор литературы

В глобальном образовательном пространстве университеты выступают важнейшим агентом социализации студентов. В процессе обучения иностранные граждане активно изучают язык принимающего сообщества, его культуру, традиции и обычаи, постигают и усваивают социальные нормы и ценности, а также практики повседневной жизни. Обогащая и развивая свой социальный капитал, они возвращаются в родную страну с новым багажом не только знаний, но и социальных связей. Друзья, коллеги, знакомые, с которыми сформировались социальные отношения на территории принимающей страны, становятся проводниками языка и культуры. Освоенные ценности и нормы, поведенческие стандарты транслируются и частично воспроизводятся на родине.

Таким образом, воздействие «мягкой силы» образования обеспечивается благодаря иностранным студентам, которые «проникаются» идеалами страны обучения и руководствуются ими в дальнейшей профессиональной деятельности [2, р. 193] и социальной жизни в целом. Эффек-

тивность этого воздействия на социально-экономические, политические изменения и иные контексты международных отношений в современном мире становится более высокой по сравнению с иными рычагами влияния (военными, экономическими и пр.).

В настоящее время каждая страна формирует спектр инструментов, нацеленных на увеличение экспорта образования, чтобы усилить свое глобальное присутствие. Страны БРИКС также включены в этот процесс. Например, в Китае заимствование теорий мягкой силы и интернационализации высшего образования привело к созданию сети учреждений Института Конфуция (*Confucius Institutes*), деятельность которых направлена на реализацию китайской международной стратегии «мягкого возвышения» [3, p. 235].

A. Wojciuk, M. Michalek, M. Stormowska, размышляя о теоретической концептуализации «мягкой силы» образования, выделяют три основных ее механизма: образование как носитель ценностей отдельно взятой страны, как ресурс и как инструмент в достижении определенных целей [4, p. 298]. Очевидно, что эти механизмы взаимосвязаны между собой и отражают интересы национальных экономик стран по усилению мирового лидерства. Так правительства «связывают идею глобальных человеческих ресурсов с национальными целями экономического успеха» [5, p. 95].

Понимая увеличивающуюся роль современных университетов в мировом пространстве, государства включаются в конкурентную борьбу за активного целеустремленного абитуриента. Принимающие университеты получают дополнительные инвестиции, реализуя внешнеполитические цели, а отправляющие страны обретают доступ к новым знаниям и навыкам посредством получения квалифицированных специалистов. Многие образовательные мигранты поддерживают тесную связь со своим государством и даже участвуют в совершенствовании национальной системы образования [6, p. 237].

Международная академическая мобильность – один из наиболее явных показателей эффективности «мягкой силы» высшей школы и в то же время главная движущая сила интернационализации, которая становится необходимым условием адаптации высшего образования к запросам современного мироустройства [7, p. 307].

Процесс интернационализации, который охватывает и объединяет сегодня межнациональный, межкультурный и глобальный уровни, требует переосмысления и нового оформления целей, функций и форм реализации обучения на высшей ступени [8, p. 13]. Эксперты в области междуна-

родного высшего образования В. Leask и М. Yemini подчеркивают, что внедрение интернационализации в любом вузе связано с направленной, преднамеренной интеграцией международных, многокультурных и глобальных аспектов преподавания и обучения [9, р. 55; 10, р. 19]. Учебные программы должны органично сочетать региональную (национальную) специфику с международными (мировыми) трендами современной науки и практики. Это позволит выпускнику быть востребованным на международном рынке труда. Успешная интернационализация является сложным, но управляемым процессом, пронизывающим жизнь, культуру, учебные планы и программы обучения, исследовательскую деятельность университетов [11, р. 46]. В качестве индикаторов ее эффективности выступают «механизмы привлечения иностранных студентов» [12, р. 15], обоснованность их применения для отдельных кейсов университетов, преемственность и результативность лучших практик вузов-бенчмарков.

Всё большую значимость приобретают рейтинги университетов как показатели, без которых не представляется возможным улучшить лидерские позиции на глобальном рынке образовательных услуг. Они становятся частью интернационализации образовательной системы, обеспечивают коммуникацию между субъектами международного рынка образования и укрепляют репутацию университетов на региональном, национальном и международном уровнях.

Появление и растущая популярность рейтингов свидетельствуют о нарастании конкуренции за талантливых иностранных студентов и источники инвестиций. Результаты исследований подтверждают, что усиление эффективности научной и инновационной работы университетов приводит к увеличению дохода от такого рода деятельности, что указывает на повышение конкурентоспособности образовательных организаций на международном рынке образовательных услуг и может выступать основой для ранжирования университетов и обеспечения ведущих вузов государственным финансированием на условиях конкурсного отбора [13, р. 489]. В то же время существует обратная связь: продвижение высших учебных заведений в международных рейтингах – это результат отдачи от финансовых вложений в их развитие. Так, можно рассчитать не только «эффективность ... финансирования, но и стоимость одного пункта в рейтинге» [14, р. 44–45].

Имеется широкий спектр мировых рейтинговых систем, которые определяют позицию того или иного университета на глобальном образовательном рынке и ориентируют потенциальных студентов в выборе образовательной траектории. Лидерами оценки вузов являются Шан-

хайский рейтинг (Academic Ranking of World Universities – ARWU), рейтинги мировых университетов QS (QS World University Rankings) и THE (Times Higher Education World University Rankings).

Рейтинги – катализаторы «мягкой силы» образования, поскольку формируют представления о статусе университета в глазах мирового сообщества [15, p. 209]. Они также оказывают влияние на государственную образовательную политику стран, которые стремятся занять лидирующие позиции в мире.

Выбор показателей для оценки позиции университета, а также методика их подсчета подвергаются активной критике [16, p. 165], тем не менее дальнейшие разработки рейтингов образовательных организаций продолжаются. Так, в рейтинговой системе QS, помимо институционального рейтинга университетов, созданы региональные (Asia, Latin America, Emerging Europe and Central Asia (EECA), the Arab Region, and BRICS), отраслевые (Faculty), предметные (QS by Subject) рейтинги, а также рейтинг по трудоустройству выпускников (QS Graduate Employability Ranking), рейтинг университетов моложе 50 лет (QS Top 50 Under 50).

Однако оценка шансов российских вузов на мировое лидерство не может ограничиваться процедурами ранжирования их достижений. «Необходимо создать условия для ускоренного развития университетов как глобальных исследовательских центров через систему долгосрочного финансирования исследований, создания привлекательных условий работы для ведущих и молодых ученых» [17, p. 77]. Предварительное оценивание потенциала ресурсоемкости лучших высших учебных заведений страны и возможностей предоставления качественного высшего образования иностранным студентам, может осуществляться на основе измерения таких количественных параметров, как инвестиции в образование и НИОКР, а также численности студентов, в том числе иностранных. Перспективным направлением может стать сравнение данных показателей, характеризующих российские вузы и вузы БРИКС, в особенности китайские университеты.

Так, согласно статистике ОЭСР, число иностранных студентов в мире в конце 1970-х гг. равнялось 0,8 млн чел., в 1995 г. – около 1,6 млн чел., а в 2015 г. – уже 4,6 млн чел.¹. Абсолютным лидером по количеству принятых иностранных студентов являются Соединенные Штаты Америки –

¹ Education at a Glance 2017: OECD Indicators. OECD 2017. Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2017_eag-2017-en

там их доля составляет почти 25% от общемирового числа¹ и их численность ежегодно растет. В международных рейтингах QS, THE, ARWU американские вузы стабильно занимают лидирующие позиции. Показателем политического, экономического и культурного влияния США на другие страны можно считать, в частности, то, что выпускники американских вузов стали значимыми фигурами у себя на родине (М. Саакашвили, А. Навальный и др.). Весомую долю иностранцев сегодня принимают университеты Великобритании, Австралии, Франции, Германии, Канады². Крупные «поставщики» обучающихся – Китай, Индия и Корея. В российские вузы поступают в основном граждане КНР и стран бывшего СССР (Казахстана, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана, Азербайджана)³.

Помимо престижности и репутации университета, закрепленных в рейтинговых системах, возможностей академической мобильности, а также таких косвенных показателей, как размер инвестиций и численность студентов, важным условием выбора страны и образовательной организации являются и неакадемические факторы. К ним относятся стоимость проживания и обучения, толерантность местного сообщества, развитость логистики и университетских сервисов, в том числе по адаптации в новой образовательной среде, готовность университетских организационных структур решать бытовые и иные проблемы иностранных граждан. Например, если местные студенты рассматривают прибывших из-за рубежа сокурсников как помеху в процессе получения образования [18, р. 396], между ними возможна враждебность и дискриминация последних со стороны принимающего сообщества [19, р. 263] – соответственно, трудности в достижении дружеских контактов, основанных на взаимопомощи и сотрудничестве. Исследователи высшего образования озабочены тем, что для повышения уровня интернационализации вуза в долгосрочной перспективе требуются принципиально новые подходы к рекрутингу зарубежных обучающихся: «переход с тактических позиций на стратегические; формирование профиля потенциального студента как международного» [20, р. 121], а также создание «полиязычной образовательной среды» [21, р. 108], которая улучшает имидж вуза в восприятии потенциальных иностранных студентов.

¹ Global Flow of Tertiary-Level Students. Available from: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>

² Education at a Glance 2017: OECD Indicators. OECD 2017. Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2017_eag-2017-en

³ Global Flow of Tertiary-Level Students. Available from: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>

В то же время специалисты отмечают, что реализация интересов национальных экономик через систему образования имеет отложенный эффект. По мнению А. Amirbeke и К. Ydygysb, «эффективность университетского образования как инструмента “мягкой” силы может быть оценена только в долгосрочной перспективе. Требуется время, чтобы культурные ценности распространились и укоренились. Однако, распространившись и укоренившись, они продолжают оказывать влияние продолжительное время» [22, p. 516].

В условиях возрастающей экспансии вузов в другие страны важно выяснить, каков потенциал российских университетов для выхода на международный рынок образовательных услуг; сформировано ли их стратегическое видение относительно приоритетных территорий; есть ли у них механизмы привлечения иностранных студентов.

Материалы и методы

Анализу «мягкой силы» образования на основе экспертных оценок было посвящено социологическое исследование, проведенное в Уральском федеральном университете (УрФУ) в 2018 г. Выбор кейса этого университета обусловлен следующими причинами. Во-первых, на его площадке в 2017 г. создан сетевой университет стран БРИКС для академического сотрудничества в проведении совместных исследований и подготовке профессиональных кадров для национальных экономик. Во-вторых, УрФУ является одним из ведущих российских высших учебных заведений, включенных в программу «превосходства», называемую в России проектом «5–100». В-третьих, это крупнейший вуз Урала по количеству обучающихся (в 2018 г. – 34 225 студентов, из них иностранных – 3178).

Сбор данных осуществлялся с помощью традиционных качественных методов социологического исследования. При отборе экспертов применялась выборка полярных случаев с учетом особенностей их профессиональной деятельности – области экспертизы и функциональных обязанностей. Разнообразие мнений и оценок информантов позволило не только изучить стратегические приоритеты организации с точки зрения ее позиционирования на международном рынке образовательных услуг, но и оценить качество проведения институциональных исследований по выявлению мотивации иностранных студентов, а также лучшие практики их привлечения в вуз, реальный опыт взаимодействия с ними.

Всего опрошено 5 экспертов (1 мужчина и 4 женщины) со стажем работы в УрФУ от 7 до 18 лет, которые являлись руководителями и специалистами служб и отделов, обеспечивающих продвижение вуза на между-

народном рынке образовательных услуг и укрепление его статусных позиций, – Отдела стратегического планирования, Лаборатории наукометрии, Департамента международных образовательных программ.

Разработанное нами авторское полуструктурированное интервью включало 10 вопросов, его средняя длительность составила 40 минут.

Респондентам необходимо было

- охарактеризовать особенности продвижения УрФУ на международном рынке образовательных услуг;
- раскрыть жизненные планы и стратегии современных иностранных студентов, приехавших на обучение из КНР.

Обработка текстов интервью и группировка полученных данных позволили выявить общее и особенное в ответах информантов. Интерпретация сведений была направлена на определение роли образования в продвижении идей, ценностей и норм российского общества в мировом пространстве.

Дополнительно для оценки и сравнения количественных параметров деятельности вузов стран БРИКС приведена статистика The World Bank по расходам этих стран на образование и НИОКР в период 1999–2015 гг. (% от ВВП, а также данные рейтинга QS World University Rankings 2019 по количеству ранжируемых вузов этой группы с учетом численности их студентов, в том числе иностранных). Для анализа репутации вузов стран БРИКС в рейтинге QS все ранжируемые высшие учебные заведения разделены на три типа: Топ 100 – лидеры глобального рынка; Топ 101–500 – стремящиеся попасть в сотню мировых лидеров; Топ 501 и ниже – преимущественно те вузы, которые не так давно включились в гонку за почетные места в рейтинговой системе оценивания.

Результаты и обсуждение

В условиях обострения конкурентной борьбы за талантливых абитуриентов современные высшие учебные заведения стремятся к укреплению своих позиций на мировом образовательном рынке. Согласно мнению одного из экспертов, «...если сегодня студенты не сильно обращают внимание на рейтинги университетов, руководствуясь при выборе, например, стоимостью образования, то уже совсем скоро рейтинги станут критерием выбора университета, студенты станут на них опираться...» (жен., стаж работы 7 лет). Все опрошенные отметили возрастание роли рейтинговых систем, которые становятся драйверами принятия решений потенциальными студентами и их родителями. Преимущество этих систем заключается в том, что любой желающий может воспользоваться информацией и сравнить различные показатели деятельности вузов.

Каким образом УрФУ стремится завоевать высокий статус? Ему приходится конкурировать, прежде всего, с другими университетами, включенными в национальную российскую систему образования. Так, в соответствии с реализующимся в России с 2013 г. проектом «5–100» к 2020 г. группа ведущих вузов планирует достичь уровня современных университетов-лидеров с эффективной структурой управления и международной академической репутацией, способных соответствовать мировым тенденциям развития науки и образования и мобильно реагировать на глобальные изменения. Запуск этого проекта стал новым вектором модернизации российского высшего образования. *«Мы смотрим в обязательном порядке все вузы «5–100», потому что именно с ними мы конкурируем за получение дополнительных финансовых средств, дополнительно смотрим Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет как две реперные точки»* (муж., стаж работы 18 лет). Кроме того, университет стремится повысить свои позиции в мировых рейтинговых системах: *«Мы отслеживаем и наши места, и места других университетов, потому что, по сути, места в рейтинге – это определенное отражение не только наукометрических показателей... это еще и впечатления, и знания о нас в академической среде»* (муж., стаж работы 18 лет).

Академическая репутация вуза – один из самых весомых показателей в международных рейтинговых системах. Например, в QS World University Rankings его вес составляет 40% от всех иных индикаторов. Несмотря на критику системы оценки рейтинговыми агентствами репутационных характеристик университетов [23, р. 25], они являются ключевыми в привлечении внимания к образовательным организациям мирового сообщества. При этом, как отмечают опрошенные нами эксперты, возникают и развиваются неформальные практики повышения академической репутации: *«...Договариваются между собой представители академического сообщества по принципу “ты – мне, я – тебе”, т. е. встретились, например, на международной конференции представители двух университетов и договорились между собой, и даже на месте анкету заполнили...»* (жен., стаж работы 7 лет). Разумеется, такой подход не даст видимых результатов продвижения в рейтингах в долгосрочной перспективе, поскольку в системах рейтингования существуют дополнительные «регуляторы» занимаемых позиций, например с помощью наукометрических показателей. Целенаправленное стремление попасть в сотню лучших университетов требует комплексной работы его сотрудников по улучшению как индикаторов, оценивающих репутацию академического сообщества и работодателей, так и индикаторов публикационной активности, вклю-

ченности в межвузовское международное сотрудничество. В настоящее время менеджеры многих университетов из разных стран трезво оценивают свои шансы на вхождение в Топ 100 как низкие, но продолжают участвовать в мониторинговых процедурах глобальной сети знаний, поскольку даже приближение к ведущим образовательным организациям мира является маркером статуса университета на международном рынке, позволяющим заявить о себе мировому сообществу и привлечь инвесторов и студентов, нарастив свой социальный капитал.

Ускоренное достижение целей национальных систем высшего образования реализуется в рамках программ «превосходства» не только в России, но и в других странах БРИКС. Их основной задачей становится появление высших учебных заведений той или иной страны в сотне университетов, лидирующих на глобальном уровне и в отдельных предметных областях знания. Примерами являются такие национальные программы усиления конкурентоспособности, как Проекты 211 и 985 в Китае. Начиная с 1999 г. по настоящее время (за 19 лет реализации государственной программы поддержки) в развитие когорты китайских университетов инвестировано порядка \$ 6 млрд. В совершенствование деятельности 21 российского университета в рамках проекта «5–100» с 2013 г. (за 5 лет реализации государственной программы поддержки) вложено около \$ 1,5 млрд. Различия в объеме инвестиций указывают на следующее обстоятельство: достижение «быстрых побед» в сфере формирования вузовской репутации в рейтингах – это не всегда и не столько оценка научных и образовательных достижений, сколько задача от потраченных финансовых ресурсов.

Для выявления связи между повышением репутации университетов БРИКС на международной арене и объемами затрат на их совершенствование проанализируем расходы соответствующих стран на образование и НИОКР за 1999–2015 гг., опубликованные The World Bank (табл. 1).

Анализ показал, что в ряде вузов стран БРИКС происходит ускоренное развитие за счет прироста инвестиций в образование и науку. Так, финансирование образовательной деятельности этого уровня увеличилось в два раза в Китае, на 64% – в Бразилии, на 30% – в России. Расходы на достижение научных результатов выросли в 3 раза в Китае, на 27% – в Бразилии, на 10% – в России. Фактически вузы следуют повестке «ускоренных университетов», обозначенной Ph. G. Altbach, L. Reisberg, J. Salmi, I. Froumin в названии работы, посвященной оценке глобальных перспектив высшего образования, – «Объединение идей и финансовых ресурсов для достижения академического превосходства» [24].

Инвестиции в науку являются довольно перспективными для решения многих задач. S. Marginson отмечает, что степень успешности исследова-

тельской деятельности определяет ценность университетского «бренда» даже на уровне рынка бакалаврского образования. Весомые научные достижения не всегда свидетельствуют о высококлассном преподавании, однако они оказывают влияние на принятие решений потенциальными студентами, поскольку многие из них стремятся получить диплом «брендового» вуза. Иными словами, большинство из них выбирают учебные заведения, которые предлагают наиболее престижное образование, а его престижность определяется во многом объективными показателями научной работы, которые не зависят напрямую от финансирования [25, р. 17].

Таблица 1

Расходы стран БРИКС на образование и НИОКР¹

Table 1

Expenditures in the BRICS countries on R&D and education according to the World Bank data¹

Страна	Год					Прирост инвестиций в образование и науку, %
	1999	2000	2005	2010	2015	
Государственные расходы на образование, % от ВВП						
Бразилия	3,8	3,9	4,5	5,6	6,2	64
Китай	1,9	Н/д	Н/д	Н/д	4,0*	112
Индия	4,5	4,4	3,2	3,4	3,8**	-14
Россия	N/A	2,9	3,8	3,8***	3,8	30
Южная Африка	5,9	5,4	5,1	5,7	6,0	2
Государственные расходы на НИОКР, % от ВВП						
Бразилия	N/A	1,0	1,0	1,2	1,3	27****
Китай	0,7	0,9	1,3	1,7	2,1	174
Индия	0,7	0,8	0,8	0,8	0,6	-15
Россия	1,0	1,0	1,1	1,1	1,1	10
Южная Африка	Н/д	Н/д	0,9	0,7	0,8	-7****

Примечания. Здесь и в табл. 3: н/д – нет данных.

* По данным China Education Center².

**Для сопоставления приведены данные The World Bank за 2013 г. в связи с отсутствием данных на текущий период.

***Для сопоставления приведены данные The World Bank за 2012 г. в связи с отсутствием данных на текущий период.

****Прирост рассчитан по данным 2000 г. по Бразилии, по данным 2005 г. по ЮАР.

¹ The World Bank. Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/gb.xpd.rsdv.gd.zs>

² China Education. China Education Center. Available from: <https://www.chinaeducationcenter.com/en/cedu.php>

Несмотря на вливание в развитие ведущих вузов стран БРИКС существенных финансовых ресурсов национальных экономик, прорывным и устойчивым результатам повышения их репутации на международной арене может препятствовать недостаток средств, поскольку конкуренты «не стоят на месте». Государственные инвестиции на образование составили в 2015 г. в Китае 4,0%, в России и Индии – 3,8%. В то же время бюджетные расходы на образование в США составили к 2014 г. 6,1% от ВВП; во Франции и Германии, использующих аналоги программ «превосходства», – 5,5 и 4,2% соответственно. По нашим оценкам, проблема недофинансирования системы высшего образования касается прежде всего кейса России, где прирост инвестиций в образование и науку не столь высок, как, например, в Китае.

Рассмотрим данные, отражающие отдачу финансовых вложений в продвижение вузов БРИКС, в динамике за последние три года на примере институционального рейтинга QS с учетом предложенной нами классификации вузов (Топ 100, Топ 101–500, Топ 501 и ниже). Анализ вхождения вузов в одну из укрупненных групп ранжируемых позиций рейтинга позволяет оценить, насколько успешно университеты отдельных стран улучшают свои места в общей рейтинговой таблице, выявить стратегии продвижения разных государств в QS – одном из авторитетных мировых рейтингов (табл. 2).

Выявлено, что рост доли образовательных организаций стран БРИКС среди ранжируемых QS 1000 университетов незначителен (с 10,1% в 2017 г. до 12,3% в 2019 г.). Стратегия достижения мирового лидерства китайскими вузами, включая солидные субсидии на их развитие, приносит свои результаты: по версии QS, к 2019 г. 6 университетов входят в сотню лучших.

Другие страны БРИКС также показывают положительную динамику по количеству высших учреждений, входящих в Топ 101–500. Пример Китая демонстрирует, что новые вузы могут достигать быстрых побед и входить в Топ 500 без особых барьеров, однако сохранить позиции за счет процедуры сглаживания показателей вряд ли удастся в том случае, если отсутствует их устойчивый рост в течение нескольких лет. Оценивая продвижение университетов «вверх» в группах Топ 101–500 и Топ 501 и ниже, отметим улучшение позиций большинства российских университетов в 2019 г¹.

¹ Who Rules? The Top 500 Universities in the World 2019. Available from: http://info.qs.com/rs/335-VIN-535/images/qswur_2019_top_500_supplement.pdf

Таблица 2

Количество ранжируемых вузов стран БРИКС с учетом их позиций в рейтинге QS World University Rankings

Table 2

Number of BRICS universities participating in the QS World University Ranking with their positions

Названия стран и укрупненные группы позиций их вузов в рейтингах	Количество ранжируемых вузов		
	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Бразилия	22	22	22
Топ 101–500	4	4	5
Топ 501 и ниже	18	18	17
Китай	33	39	40
Топ 100	4	6	6
Топ 101–500	20	15	16
Топ 501 и ниже	9	18	18
Индия	15	21	25
Топ 101–500	8	8	9
Топ 501 и ниже	7	13	16
Россия	22	24	27
Топ 100	–	1	1
Топ 101–500	11	12	14
Топ 501 и ниже	11	11	12
Южная Америка	9	9	9
Топ 101–500	3	3	3
Топ 501 и ниже	6	6	6
Всего	101	115	123

Стартовые места вузов стран БРИКС в гонке за лидерство на глобальном образовательном рынке различны. Российским университетам требуются значительные как человеческие, так и финансовые ресурсы для завоевания признания на международной арене.

Стремясь к созданию и поддержанию долгосрочных конкурентных преимуществ, высшие учебные заведения вынуждены смотреть на рынок глазами потребителя. Необходимо измерение количественного и качественного состава контингента студентов, в том числе прибывших на обучение из других стран.

За счет чего возможен быстрый рост показателей интернационализации и какие риски возникают при этом у университетов? Статистический анализ количества студентов, в том числе иностранных, обучающихся в странах БРИКС, позволяет оценить уровень доступности высшего образования в этих государствах (табл. 3).

Таблица 3

Количество студентов, в том числе иностранных, обучающихся в вузах стран БРИКС

Table 3

Number of students at various programmes in BRICS universities, including foreign students

Названия стран и укрупненные группы позиций их вузов в рейтинге QS World University Rankings 2019	Общая численность студентов		Численность иностранных студентов		Доля бакалавров среди иностранных студентов, %
	чел.	%	чел.	%	
Китай	1 382 857	46	89 204	7	52
Топ 100	201 631	7	28 794	13	47
Топ 101–500	599 799	20	37 367	7	55
Топ 501 и ниже	581 427	19	23 043	5	51
Индия	340 647	11	7630	2	50
Топ 101–500	83 845	3	508	1	13
Топ 501 и ниже	256 802	8	7122	3	66
Россия	426 236	14	57 156	15	69
Топ 100	30 904	1	5805	19	81
Топ 101–500	222 553	7	34 445	18	64
Топ 501 и ниже	172 779	6	16 906	10	74
ЮАР	217 678	7	16 207	9	53
Топ 101–500	71 582	2	5482	12	56
Топ 501 и ниже	146 096	5	10 725	8	52
Бразилия	659 004	22	Н/д	Н/д	Н/д
Топ 101–500	194 951	6	Н/д	Н/д	Н/д
Топ 501 и ниже	464 053	15	Н/д	Н/д	Н/д
Всего	3 026 422	100	170 197	9	57

Примечание. В таблице учтены только вузы, ранжируемые в рейтинге QS World University Rankings 2019.

С одной стороны, доля иностранных студентов демонстрирует известность университетов стран БРИКС в мире: чем ближе к Топ 100, тем выше индикаторы интернационализации. С другой стороны, их увеличение актуально только для организаций, занимающих позиции ниже Топ 500, так как далее продвижение за счет наращивания численности академических мигрантов не представляется возможным.

Следует отметить, что почти половину обучающихся в вузах БРИКС составляют китайские студенты, однако с учетом низкой доли иностранных граждан (до 13% в Топ 100) происходит постепенная переориентация высших учебных заведений КНР на внутренний рынок абитуриентов и замедле-

ние процессов привлечения иностранцев. Вероятно, в будущем с этой проблемой может столкнуться и Россия.

Растущая численность студентов из-за рубежа способствует коммерциализации высшего образования, поскольку оно больше не расценивается как общественное благо, что прослеживается в кейсе российских вузов. Участвуя в «гонке» по увеличению доходов от образовательной деятельности и наращиванию количественных показателей доли иностранцев, организации зачастую рассматривают в качестве целевой аудитории тех, кто не смог поступить в высшую школу у себя на родине (например, в Китае или Индии).

Несмотря на то, что концепция университетов мирового класса обусловлена потребностью выделения элитных учреждений, предоставляющих массовое образование, ориентированное на подготовку выпускников для рынка труда, в том числе за счет оказания коммерческих образовательных услуг, данная идея себя не оправдала. В странах с развивающейся экономикой не произошло качественного приращения контингента, особенно среди иностранных обучающихся. Напротив, снизилось качество подготовки выпускаемых специалистов и высшего образования в целом. Такая ситуация характерна не только для России, но и для других стран БРИКС. Как следствие, даже университеты, стремящиеся улучшить свои позиции на международном образовательном рынке и субсидируемые из государственного бюджета, не в полной мере выполняют возложенные на них социальные функции и миссию по обучению высококвалифицированных кадров из числа талантливой молодежи.

Обратимся к факторам привлекательности вузов для иностранных студентов и причинам выбора абитуриентами тех или иных образовательных организаций. Например, по мнению одного из интервьюированных экспертов, китайских студентов побуждает поступать в УрФУ прежде всего возможность оплатить обучение: *«К нам приезжают не самые талантливые студенты, лучшие едут учиться в США, Германию, Великобританию. В Москву и Санкт-Петербург. У нас стоимость обучения невысокая, этим и привлекаем»* (жен., стаж работы 17 лет).

К достоинствам российского образования для граждан КНР эксперты относят не только его стоимость, но и его качество: *«Мы организуем для студентов производственные практики в ведущих организациях города. Это привлекает к нам иностранных студентов, дает возможность приобрести не только новые знания, но и прикладные навыки, профессиональные компетенции»* (жен., стаж работы 8 лет). Иностранцами абитуриентами, в частности из Китая, воспроизводится сложившийся прежде

стереотип о том, что российское образование сохраняет свое мировое лидерство и транслирует лучшие практики обучения.

Еще один выделенный респондентами фактор привлекательности университета – созданная в нем этническая сетевая структура: *«У китайских студентов очень развито чувство коллективизма. Они приезжают к нам и сразу попадают в свое сообщество, которое поддерживает новичка. Китайцев даже по одному не увидишь, они ходят по два – три человека»* (жен., стаж работы 17 лет).

Мотивы выбора УрФУ иностранными студентами свидетельствуют о том, что он обладает ресурсами для претворения идеи «мягкой силы» образования, что связано как с факторами привлекательности вуза, так и с жизненными планами выпускников. По словам экспертов, обучающиеся рекомендуют своим родным и знакомым обучение в этом университете, способствуя воспроизводству общности иностранных студентов. При этом, как показывают наши исследования, условием позитивного отношения к России является их успешная адаптация в стране и доброжелательность принимающего сообщества [26]. Большинство поступающих в российские вузы граждан КНР после окончания учебы возвращаются на родину: *«Почти все ориентированы вернуться в Китай. Они здесь неплохо русский язык осваивают. Вернувшись домой, они его активно используют при трудоустройстве. Совместные российско-китайские компании их с удовольствием берут. Они знают российскую специфику, владеют русским языком. Ну или устраиваются на работу переводчиками, ведут курсы русского языка»* (жен., стаж работы 17 лет).

Таким образом, российское высшее образование можно рассматривать как инструмент геополитики, который, по мнению участников нашего исследования, должен быть направлен на привлечение абитуриентов из КНР. Соответственно, необходимо усилить продвижение российских университетов, в том числе УрФУ, в азиатском регионе. Это возможно достичь посредством разработки *«... специальных образовательных программ для китайских студентов с учетом их потребностей и интересов страны; также важно разработать специальные маркетинговые стратегии, ориентированные исключительно на китайского абитуриента и его родителей...»* (жен., стаж работы 8 лет).

Полагаем, что еще одним фактором привлекательности университета может стать реализация дополнительных образовательных программ для иностранных студентов, которые будут способствовать повышению их конкурентоспособности на рынке труда и удовлетворять потребность в самореализации [27, р. 204].

Эффективность высшего образования как инструмента «мягкой силы», как говорилось выше, возможна только в долгосрочной перспективе. Укоренение культурных ценностей и норм требует времени. Сегодня имеются все предпосылки для того, чтобы этот инновационный внешнеполитический механизм стал действенной силой продвижения России в мировом сообществе.

Однако пока не решен ключевой вопрос: если университет мирового класса не привлекает талантливых молодых людей, преподавателей, исследователей, сможет ли он удерживать на протяжении нескольких лет свои репутационные позиции? Текущая деятельность части вузов БРИКС в ситуации недостаточного признания их исследовательских результатов иностранными партнерами и снижения концентрации талантов утрачивает первоначальную миссию университетов мирового класса, становится имитацией по достижению лидерских позиций на глобальном образовательном рынке.

В университете мирового класса ресурсами выступают не только студенты и преподаватели, но и его руководство, формирующее стратегическое видение, поддерживающее кадровый резерв реальных и будущих лидеров команды, определяющее стратегию и осуществляющее поиск источников финансирования вуза. «Лучшие современные университеты управляются коллегиально: основные решения принимаются академическим сообществом. Часто формируются советы управления, включающие не только преподавателей, но и студентов»¹, поэтому от того, насколько эффективно университетская администрация развивает механизмы коллегиальной работы, будет зависеть успешность организации, в том числе при осуществлении рейтинговой стратегии и стратегии привлечения иностранных студентов и преподавателей. Однако как на уровне руководства отдельных вузов, так и на уровне национальных систем образования в целом необходимо понимать, что, «хотя каждой стране хотелось бы иметь университеты мирового уровня, бессмысленно утверждать, что каждая страна должна стремиться иметь 50 или 100 лучших мировых университетов, поскольку это невозможно по определению» [25, p. 16].

Несмотря на национальные приоритеты по быстрому продвижению университетов в рейтингах, для устойчивого долгосрочного развития необходимы инвестиции в формирование и усиление их репутации не только среди иностранных студентов, но и на внутреннем рынке образовательных услуг (на территории страны и ее отдельных регионов).

¹ The road to academic excellence: the making of world-class research universities / Altbach P. G., Salmi J. (eds). Washington: The World Bank, 2011. P. 21.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать ряд выводов.

Образование в современном мире становится все более открытым для иностранных студентов, превращаясь в активный действенный инструмент влияния на мировое сообщество, продвижения идеалов и ценностей, культурных символов и социальных норм национальных общественных систем.

Современные университеты стремятся занять лидирующие позиции в международных рейтингах. Высокий статус, репутация и престиж вуза становятся факторами привлекательности для иностранных студентов и их родителей. При этом, по оценкам экспертов, появляются договорные неформальные практики в формировании показателей узнаваемости среды академического сообщества.

Российские университеты, в том числе УрФУ, привлекают студентов из КНР низкой стоимостью получения образования и его высоким качеством, а также уже сформированной этнической социальной сетью. Последняя позволяет повысить успешность адаптации и преодолеть барьеры, связанные с интеграцией иностранцев в принимающее сообщество.

Жизненные стратегии китайских студентов предусматривают возвращение на родину после получения образования в российском вузе. Знание русского языка и культуры становятся как конкурентными преимуществами на китайском рынке труда, так и «мягкой силой», продвигающей идеалы, ценности и нормы, которые были освоены в процессе обучения в России.

Высшее образование как инструмент «мягкой силы» может стать действенным механизмом реализации интересов национальной экономики России в долгосрочной перспективе. Однако уже сейчас необходимы высококвалифицированные менеджеры высшего звена, осуществляющие университетское управление и имеющие сформированное видение 10–15-летней перспективы для взвешенного определения рейтинговых стратегий и механизмов привлечения иностранных студентов из значимых для страны территорий. В то же время нужны существенные финансовые инвестиции в ведущие вузы, в том числе государственные, – в 4–5 раз превышающие отпускаемые в настоящее время, сопоставимые с затратами на развитие науки и образования китайских вузов, стремительно занимающих лидерские позиции в мировых рейтинговых системах.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются изучение репутации университетов, определение эффективных инструментов их продвижения на глобальном рынке образовательных услуг,

а также сравнительный анализ университетских сайтов как условия интернационализации высшего образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Nye J. S. Soft power: the means to success in world politics. New York: PublicAffairs, 2004. 192 p.
2. Stetar J., Coppla C., Guo L., Nabiyeva N., Ismailov B. Soft power strategies: competition and cooperation in a globalized system of higher education // Portnoi L. M., Rust V. D., Bagley S. S. (eds). Higher Education, Policy and Global Competition Phenomenon. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 191–203. DOI: 10.1057/9780230106130_14
3. Yang R. Soft power and higher education: an examination of China's Confucius Institutes // Globalisation, Societies and Education. 2010. № 8 (2). P. 235–245. DOI: 10.1080/14767721003779746
4. Wojciuk A., Michalek M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations // European Political Science. 2015. № 14 (3). P. 298–317. DOI: 10.1057/eps.2015.25
5. Green H. S. Top Global Soft Power? Japanese Higher Education and Foreign Policy Goals // Toyohogaku. 2016. № 60 (1). P. 89–101.
6. Shields R., Edwards R. Student Mobility and Emerging Hubs in Global Higher Education // Portnoi L. M., Rust V. D., Bagley S. S. (eds). Higher Education, Policy and Global Competition Phenomenon. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 235–248. DOI: 10.1057/9780230106130_17
7. Wojciuk A., Michalek M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations // European Political Science. 2015. № 14 (3). P. 298–317. DOI: 10.1057/eps.2015.25
8. Knight J. Five Truths about Internationalization // International Higher Education. 2012. № 69. P. 4–5. DOI: 10.6017/ihe.2012.69.8644
9. Leask B. Internationalizing the Curriculum // Journal of Perspectives in Applied Academic Practice. 2015. № 3 (3). P. 55–56. DOI: 10.14297/jpaap.v3i3.192
10. Yemini M. Internationalisation discourse hits the tipping point // Perspectives: Policy and Practice in Higher Education. 2015. № 19 (1). P. 19–22. DOI: 10.1080/13603108.2014.966280
11. Bartell M. Internationalization of universities: A university culture-based framework // Higher Education. 2003. № 45 (1). P. 43–70. DOI: 10.1023/A:1021225514599
12. Денисов А. Р., Степанова М. М. Разработка системы индикаторов уровня интернационализации вуза // Образование и наука. 2015. № 9. С. 15–36. DOI: 10.17853/1994-5639-2015-9-15-35
13. Tarasyev A. A., Sudakova A. E., Agarkov G. A. Integral evaluation of the investment effectiveness into universities development // IFAC-PapersOnLine. 2018. № 51 (32). P. 484–489. DOI: 10.1016/j.ifacol.2018.11.467
14. Агарков Г. А., Гурбан И. А., Кокшаров В. А. и др. Отдельные аспекты развития российских университетов: региональная специфика, рейтинги, формирование образовательных траекторий. Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 2017. 172 с.

15. Lo W. Y. W. Soft power, university rankings and knowledge production: distinctions between hegemony and self-determination in higher education // *Comparative Education*. 2011. № 47 (2). P. 209–222. DOI:10.1080/03050068.2011.554092
16. Gruber T. Academic sell-out: how an obsession with metrics and rankings is damaging academia // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2014. № 24 (2). P. 165–177. DOI:10.1080/08841241.2014.970248
17. Абанкина И. В., Беликов А. А., Гапонова О. С., Дудырев Ф. Ф., Корешникова Ю. Н., Коршунов И. А., Косарецкий С. Г., Мерцалова Т. А., Нисская А. К., Платонова Д. П., Сорокин П. С., Таловская Б. М., Фрумин И. Д. Глобальная конкурентоспособность российского образования. Материалы для дискуссии. Москва: НИУ ВШЭ, 2017. 112 с.
18. Bianchi C. Satisfiers and dissatisfiers for international students of higher education: an exploratory study in Australia // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2013. № 35 (4). P. 396–409. DOI: 10.1080/1360080X.2013.812057
19. Poyrazli S., Lopez M. D. An exploratory study of perceived discrimination and homesickness: a comparison of international students and American students // *The Journal of Psychology*. 2007. № 141 (3). P. 263–280. DOI: 10.3200/JRLP.141.3.263–280
20. Яковлева С. М. Влияние методики учета иностранных студентов на интернационализацию российских вузов // *Образование и наука*. 2016. № 9. С. 121–135. DOI: 10.17853/1994–5639–2016–9–121–135
21. Бекетова А. П., Куприна Т. В., Петрикова А. Развитие межкультурной коммуникативной толерантности студентов в полиязычной образовательной среде вуза // *Образование и наука*. 2018. № 20 (2). С. 108–124. DOI: 10.17853/1994–5639–2018–2–108–124
22. Amirbeka A., Ydyrysb K. Education and soft power: analysis as an instrument of foreign policy // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. № (143). P. 514–516. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.428
23. Florian R. V. Irreproducibility of the results of the Shanghai academic ranking of world universities // *Scientometrics*. 2007. № 72 (1). P. 25–32. DOI: 10.1007/s11192–007–1712–1
24. Altbach P., Reisberg L., Salmi J., Froumin I. *Accelerated Universities. Ideas and Money Combine to Build Academic Excellence*. Leiden: The Netherlands, Brill; 2018. 192 p. DOI: 10.1163/9789004366107
25. Marginson S. Different roads to a shared goal: political and cultural variations in world-class universities // Wang Q., Cheng Yi., Liu N. C. *Building World-Class Universities: Different Approaches to a Shared Goal*. Rotterdam: Taipei, 2013. P. 13–34.
26. Merenkov A., Antonova N. Problems of social adaptation of international students in Russia // *New Educational Review*. 2015. № 41 (3). P. 122–32. DOI: 10.15804/ner.2015.41.3.10
27. Merenkov A., Sushchenko A. How university students develop and meet their need for additional education // *Educational Studies Moscow*. 2016. № 3. P. 204–223. DOI: 10.17323/1814–9545–2016–3–204–223

References

1. Nye J. S. Soft power: the means to success in world politics. New York: PublicAffairs; 2004. 192 p.
2. Stetar J., Coppla C., Guo L., Nabiyeva N., Ismailov B. Soft power strategies: Competition and cooperation in a globalized system of higher education. Ed. by Portnoi L. M., Rust V. D., Bagley S. S. Higher education, policy and global competition phenomenon [Internet]. New York: Palgrave Macmillan; 2010 [cited 01 Apr 2019]. p. 191–203. Available from: https://doi.org/10.1057/9780230106130_14
3. Yang R. Soft power and higher education: An examination of China's Confucius Institutes. *Globalisation, Societies and Education* [Internet]. 2010 [cited 01 Apr 2019]; 8 (2): 235–245. Available from: <http://dx.doi.org/10.1080/14767721003779746>
4. Wojciuk A., Michalek M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations. *European Political Science* [Internet]. 2015 [cited 01 Apr 2019]; 14 (3): 298–317. Available from: <https://doi.org/10.1057/eps.2015.25>
5. Green H. S. Top global soft power? Japanese higher education and foreign policy goals. *Toyohogaku*. 2016; 60 (1): 89–101.
6. Shields R., Edwards R. Student mobility and emerging hubs in global higher education. Ed. by Portnoi L. M., Rust V. D., Bagley S. S. Higher education, policy and global competition phenomenon [Internet]. New York: Palgrave Macmillan; 2010 [cited 01 Apr 2019]. p. 235–248. Available from: https://doi.org/10.1057/9780230106130_17
7. Wojciuk A., Michalek M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations. *European Political Science* [Internet]. 2015 [cited 01 Apr 2019]; 14 (3): 298–317. Available from: <https://doi.org/10.1057/eps.2015.25>
8. Knight J. Five Truths about Internationalization. *International Higher Education* [Internet]. 2012 [cited 21 Mar 2019]; (69): 4–5. Available from: <https://doi.org/10.6017/ihe.2012.69.8644>
9. Leask B. Internationalizing the curriculum. *Journal of Perspectives in Applied Academic Practice* [Internet]. 2015 [cited 21 Mar 2019]; 3 (3): 55–56. Available from: <https://doi.org/10.14297/jpaap.v3i3.192>
10. Yemini M. Internationalisation discourse hits the tipping point. *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education* [Internet]. 2015 [cited 21 Mar 2019]; 19 (1): 19–22. Available from: <https://doi.org/10.1080/13603108.2014.966280>
11. Bartell M. Internationalization of universities: A university culture-based framework. *Higher Education* [Internet]. 2003 [cited 01 Apr 2019]; 45 (1): 43–70. Available from: <https://doi.org/10.1023/A:1021225514599>
12. Denisov A. R., Stepanova M. M. Development of the level indices system of university internationalization. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal* [Internet]. 2015 [cited 21 Mar 2019]; (9): 15–36. Available from: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2015-9-15-35> (In Russ.)
13. Tarasyev A. A., Sudakova A. E., Agarkov G. A. Integral evaluation of the investment effectiveness into universities development. *IFAC-PapersOnLine* [Internet]. 2018 [cited 01 Apr 2019]; 51 (32): 484–489. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.11.467>
14. Agarkov G. A., Gurban I. A., Koksharov V. A., et al. Otdel'nye aspekty razvitiya rossijskikh universitetov: regional'naya specifika, rejtingi, formirovanie ob-

razovatel'nyh traektorij = Certain aspects of the development of Russian universities: The regional specificity, the ratings, the formation of educational trajectories. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2017. 172 p. (In Russ.).

15. Lo W. Y. W. Soft power, university rankings and knowledge production: Distinctions between hegemony and self-determination in higher education. *Comparative Education* [Internet]. 2011 [cited 01 Apr 2019]; 47 (2): 209–222. Available from: <https://doi.org/10.1080/03050068.2011.554092>

16. Gruber T. Academic sell-out: How an obsession with metrics and rankings is damaging academia. *Journal of Marketing for Higher Education* [Internet]. 2014 [cited 01 Apr 2019]; 24 (2): 165–177. Available from: <https://doi.org/10.1080/08841241.2014.970248>

17. Abankina I. V., Belikov A. A., Gaponova O. S., Dudyrev F. F., Koreshnikova Yu. N., Korshunov I. A., et al. Global'naya konkurentosposobnost' rossijskogo obrazovaniya. Materialy dlya diskussii = Global competitiveness of Russian education. Discussion materials. Moscow: Higher School of Economics; 2017. 112 p. (In Russ.)

18. Bianchi C. Satisfiers and dissatisfiers for international students of higher education: An exploratory study in Australia. *Journal of Higher Education Policy and Management* [Internet]. 2013 [cited 21 Mar 2019]; 35 (4): 396–409. Available from: <https://doi.org/10.1080/1360080X.2013.812057>

19. Poyrazli S., Lopez M. D. An exploratory study of perceived discrimination and homesickness: A comparison of international students and American students. *The Journal of Psychology* [Internet]. 2007 [cited 21 Mar 2019]; 141 (3): 263–280. Available from: <https://doi.org/10.3200/JRLP.141.3.263-280>

20. Yakovleva S. M. Methods of calculation of foreign students: The effect on the Russian university internationalization. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal* [Internet]. 2016; (9): 121–135. Available from: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-9-121-135> (In Russ.)

21. Beketova A. P., Kuprina T. V., Petrikova A. Development of students' intercultural communicative tolerance in the university multilingual educational environment. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal* [Internet]. 2018 [cited 21 Mar 2019]; 20 (2): 108–124. Available from: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-108-124> (In Russ.)

22. Amirbeka A., Ydyrysb K. Education and soft power: Analysis as an instrument of foreign policy. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* [Internet]. 2014 [cited 21 Mar 2019]; (143): 514–516. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.07.428>

23. Florian R. V. Irreproducibility of the results of the Shanghai academic ranking of world universities. *Scientometrics* [Internet]. 2007 [cited 21 Mar 2019]; 72 (1): 25–32. Available from: <https://doi.org/10.1007/s11192-007-1712-1>

24. Altbach P., Reisberg L., Salmi J., Froumin I. Accelerated universities. Ideas and money combine to build academic excellence [Internet]. Leiden, The Netherlands: Brill; 2018 [cited 01 Apr 2019]. 192 p. Available from: <https://doi.org/10.1163/9789004366107>

25. Marginson S. Different roads to a shared goal: Political and cultural variations in world-class universities. In: Wang Q., Cheng Yi., Liu N. C. (eds.). *Buil-*

ding world-class universities: Different approaches to a shared goal. Rotterdam: Taipei; 2013. p. 13–34.

26. Merenkov, A., Antonova, N. Problems of social adaptation of international students in Russia. *New Educational Review* [Internet]. 2015 [cited 01 Apr 2019]; 41 (3): 122–132. Available from: <https://doi.org/10.15804/tner.2015.41.3.10>

27. Merenkov A., Sushchenko A. How university students develop and meet their need for additional education. *Educational Studies Moscow* [Internet]. 2016 [cited 01 Apr 2019]; (3): 204–223. Available from: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-204-223>

Информация об авторах:

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета; ORCID ID 0000-0002-2063-4970, Researcher ID Q-1495-2015, Scopus Author ID 57038433100; Екатеринбург, Россия. E-mail: n-tata@mail.ru

Сущенко Анастасия Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по проблемам университетского развития Уральского федерального университета; ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0273-4422>; Екатеринбург, Россия. E-mail: a.d.sushchenko@urfu.ru

Попова Наталья Геннадьевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН; ORCID 0000-0001-7856-5413; Екатеринбург, Россия. E-mail: ngporova@list.ru

Вклад соавторов:

Н. А. Антонова разработала концепцию и аналитическую рамку исследования, подобрала и проанализировала фактический материал, сформулировала предложения и выводы, подготовила начальный вариант текста статьи и отредактировала ее окончательный вариант.

А. Д. Сущенко участвовала в обсуждении концептуальной идеи статьи, провела обзор литературы по теме исследования и проанализировала статистические материалы.

Н. Г. Попова участвовала в обсуждении концептуальной идеи статьи, доработке текста и переводе аннотации на английский язык.

Статья поступила в редакцию 26.05.2019; принята в печать 13.11.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Natalia L. Antonova – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University; ORCID 0000-0002-2063-4970, Researcher ID Q-1495-2015, Scopus Author ID 57038433100, Ekaterinburg, Russia. E-mail: n-tata@mail.ru

Anastasia D. Sushchenko – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Research Laboratory for University Development Issues, Ural Federal University; ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0273-4422>; Ekaterinburg, Russia. E-mail: a.d.sushchenko@urfu.ru

Natalia G. Popova – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; ORCID 0000-0001-7856-5413. Ekaterinburg, Russia. E-mail: ngpopova@list.ru

Contribution of the authors:

N. L. Antonova developed the research concept and the research methodology, selected and analysed the factual material, formulated the conclusions, prepared the first version of the manuscript and edited its final version.

A. D. Sushchenko participated in the discussion of the research concept, carried out literature review and analysed the statistical materials.

N. G. Popova participated in the discussion of the research concept, preparation of the manuscript, translated the metadata into English.

Received 26.05.2019; accepted for publication 13.11.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.